

божественной сущности, а как *должное*, к чему и Бог и человек приходят через свободный богочеловеческий подвиг»¹³¹.

Таким образом Трубецкой освобождает человека от его абсолютной зависимости от Бога, но не от обязанности стремиться к *божественному*. И освобождает Бога от ответственности за деяния человека, но не от ответственности за ЧЕЛОВЕКА. Принципу *долженствования* подчиняется у Е. Трубецкого как человеческая, так и божественная сущность.

Но на этом мы завершим наш анализ понятия СВОБОДЫ и обратимся к теме СМЕРТИ, которая красной нитью проходит через все наши лекции.

3.2 Понятие «смерть» в философии I. Kant(a) и A. Schopenhauer(a)

В философской концепции Kant(a) феномен смерти играет двоякую роль — с одной стороны смерть выступает у него как СУБЪЕКТ, а с другой стороны, как ОБЪЕКТ человеческого действия.

Роль ОБЪЕКТА смерть принимает тогда, когда она вызывается волей человека, например, самоубийством. Нравственную оценку самоубийству мы, исходя из принципов Кантовской философии, должны давать в соответствии с максимой, которая могла бы принять форму всеобщего закона: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом». На основе этой максимы феномен суицида, без сомнения, подлежит нравственному осуждению.

¹³¹ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 294.

Но, как абсолютно верно заметил Schopenhauer, чисто *формальное* обоснование нравственной неправомерности суицида не смогло остановить ни на секунду, уставшего от жизни человека¹³². Тем более, что нравственный закон в этом случае относится безучастно к судьбе отдельной, в данном случае сломленной, личности, которая просто не в состоянии в суицидной ситуации поступать в «соответствии с максимой». Ведь ситуация суицида свидетельствует о том, что человек не просто «не хочет», а о том, что он «не может» жить. Требовать в такой ситуации абсолютного следования максиме — бессмысленно и даже *неэтично*. Это тоже самое, что и требовать от парализованного человека, чтобы он «тут же встал и пошёл».

Но и философия Schopenhauer(a) не решает проблемы самоубийства. Schopenhauer отрицает *обязанность* человека «жить» — такой обязанности быть не может, считает он. Во всяком случае, философии пока не удалось доказать обратное. А на теологические аргументы против суицида Schopenhauer даже не считает нужным отвечать, вследствие, как он считает, их необоснованности.

Но, что интересно, суицидное действие в какой-то степени гармонирует с концепцией ВОЛИ Schopenhauer(a), для которого нравственное достоинство человека заключается в его способности отрицать ВОЛЮ, противостоять и не подчиняться ей. Акт самоубийства есть акт «неподчинения» ВОЛЕ ЖИТЬ. И как бы этот акт не интерпретировался, он является ничем иным как «ответом» человека на (невыносимые) обстоятельства его жизни. Но настоящего освобождения

¹³² „Wenigstens haben Argumente, der Art, wie Kant sie bei dieser Gelegenheit ... gegen den Selbstmord aufstellt, zuverlässig noch keinen Lebensmüden auch nur einen Augenblick zurückgehalten“. Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik: behandelt in zwei akad. Preisschriften: 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 58.

акт самоубийство человеку, по мнению Schopenhauer(a), принести не может.

Однако я вынужден оставить сложную тему суицида в стороне, чтобы продолжить наш анализ понятия смерти, но теперь как «субъекта» человеческого действия. Смерть как «субъект» *действует* независимо от воли человека, т. е. «приходит» к нему, не спрашивая разрешения. И эта абсолютная «непредсказуемость» и «неконтролируемость» смерти делает человека не только бессильным, но и вынуждает его также ставить вопрос о смысле, провозглашённого Kant(ом), «царства целей». Человек не может в этом случае не ставить вопроса о том, а что если это, основанное на принципах разума, «царство» совершенно неожиданно, без всяких на то «разумных» причин в один момент будет снесено или разрушено какой-либо «космической случайностью»? Такая возможность является вполне реальной и она, надо сказать, придаёт кантовскому понятию «царства целей», оттенок некоторого цинизма.

Но представим себе на мгновение, что «царство целей» заселено не просто *разумными*, но ещё и *смертными* существами, которые осознают хрупкость собственной жизни и обладают, к тому же, чувством сострадания ко всему живому.

Я убеждён, что такие существа будут определять свои этические цели с совершенно других позиций, чем существа, «поступающие по закону». Шопенгауэровское «царство» есть «царство смертных существ» и в этом состоит его отличие от кантовского «царства целей».

Schopenhauer исходит, прежде всего, из того факта, что «всякая *existentia* (существование (лат.)) предполагает *essentia* (сущность (лат.))»: иными словами, всё существующее должно точно

также быть и *чемнибудь*, иметь определённую сущность»¹³³.
Метафизическая ВОЛЯ объективирует себя в индивидуальных сущностях, которые она также легко «разрешает» уничтожать:

«... природа, без всякого раздумья отдавая свои невыразимо искусные организмы не только в добычу более сильным существам, но и предоставляя их произволу слепого случая, капризу всякого дурака, шаловливости всякого ребёнка, — природа говорит этим, что гибель индивидуумов для неё безразлична, ей не вредит, не имеет для неё никакого значения и что в указанных случаях беспомощности животных результат столь же ничтожен, как и его причина¹³⁴.

С человеком природа поступает не иначе¹³⁵, потому что и человек для неё есть лишь одна из многих «форм» проявления воли к жизни. «Всё наше внутреннее существо уже само по себе есть воля к жизни»¹³⁶, которая выражает себя в человеческом страхе к смерти. Но где лежат причины этого СТРАХА?

¹³³ „Hier ist daran zu erinnern, daß jede *Existentia* eine *Essentia* [Wesenheit] voraussetzt: d. h. jedes Seiende muß eben auch *Etwas* seyn, ein bestimmtes Wesen haben. Es kann nicht *daseyn* und dabei doch *nichts* seyn, nämlich so etwas wie das *Ens metaphysicum* [metaphysische Wesen]...“. Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik: behandelt in 2 akad. Preisschriften: 1. Preisschrift über die Freiheit des Willens. Hamburg: Meiner, 1978. S. 92

¹³⁴ «Indem nun also die Natur ihre so unaussprechlich künstlichen Organismen nicht nur der Raublust des Stärkeren, sondern auch dem blindesten Zufall, und der Laune jedes Narren, und dem Muthwillen jedes Kindes, ohne Rückhalt Preis giebt, spricht sie aus, daß die Vernichtung dieser Individuen ihr gleichgültig sei, ihr nicht schade, gar nichts zu bedeuten habe, und daß, in jenen Fällen, die Wirkung so wenig, wie die Ursache» Arthur Schopenhauer. Über den Tod und sein Verhältniß zur Unzerstörbarkeit unsers Wesens an sich. In: *Werke in zehn Bänden. Züricher Ausgabe*. Band 4, Zürich 1977, S. 555. (Шопенгауэр, А. Смерть и её отношение к неразрушимости нашего существа).

¹³⁵ «So hält sie mit dem Menschen nicht anders, als mit den Thieren. Ihre Aussage also erstreckt sich auch auf diesen: Leben oder Tod des Individuums sind ihr gleichgültig». Там же.

¹³⁶ «...daß unser ganzes Wesen an sich selbst schon Wille zum Leben ist». S. 545. Шопенгауэр, А. Там же. С. 2.

Причины СТРАХА смерти лежат в мыслях о «не-бытии», считает Schopenhauer. Но человек без всякого обоснования отождествляет смерть с «не-бытием», говорит он. «Не-бытие», однако, предшествовало любой жизни. Человек вышел из «не-бытия», он и вернётся в «не-бытие». Но почему тогда человек сожалеет только *о своём «не-бытии после жизни»*, но не *о своём «не-бытии до жизни»*¹³⁷? — ставит свой законный вопрос Schopenhauer.

И это очень любопытная постановка вопроса. Человека, действительно, нисколько не интересуется его «не-бытие до жизни», а его интересуется лишь его неизбежное «не-бытие» после его жизни, которое и вызывает у него страх перед смертью. Но, с другой стороны, почему меня должно интересовать моё прошлое «не-бытие»? Трагедией моей жизни является только то «не-бытие», которое *должно* наступить. Аргументация Schopenhauer(a) не убеждает. Он становится на точку зрения «неразрушимой ВОЛИ», а «преходящий ИНТЕЛЛЕКТ» в этом случае не соглашается с волей — с волей, которой, собственно говоря, абсолютно всё-равно, «когда, где и как» существовать, лишь бы *существовать*.

По мнению E. Ziegler (Эрнста Циглера), в учении Schopenhauer(a) человеческая сущность распадается на «хотящую» и «познающую» часть, т. е. на ВОЛЮ и ИНТЕЛЛЕКТ. Страх перед смертью должна, по идее, иметь не *неразрушаемая ВОЛЯ*, а *преходящий ИНТЕЛЛЕКТ*. Но всё происходит у Schopenhauer(a) наоборот. Страх смерти порождается у него именно ВОЛЕЙ, а не ИНТЕЛЛЕКТОМ.

¹³⁷ «Eine ganze Unendlichkeit ist abgelaufen, als wir *noch nicht* waren; aber das betrübt uns keineswegs. Hingegen, daß nach dem momentanen Intermezzo eines ephemeren Daseyns eine zweite Unendlichkeit folgen sollte, in der wir *nicht mehr seyn* werden, finden wir hart, ja unträglich». Arthur Schopenhauer. Über den Tod und sein Verhältniß zur Unzerstörbarkeit unsers Wesens an sich. A.a. O. S. 546-547.

ИНТЕЛЛЕКТ в состоянии признать / понять необходимость смерти, а ВОЛЯ — нет, потому что ВОЛЯ неохотно расстаётся со случайно доставшимся ей ИНТЕЛЛЕКТОМ — «всё-таки, в сердце лежит сущность человека, а не в его голове» («Doch: Im Herzen steckt der Mensch, nicht im Kopf»), цитирует здесь Ziegler Schopenhauer(a)¹³⁸.

ИНТЕЛЛЕКТ стремится найти ответ на вопрос — почему, появившись лишь на мгновение, индивидуальная жизнь, даже не успев по-настоящему осознать свою *МГНОВЕННОСТЬ*, навсегда исчезает в бездне *не-бытия?* — как смерть уже обрывает все поиски ИНТЕЛЛЕКТА. И я боюсь, что ни я, и ни кто другой, не успеет найти ответ на этот вопрос. Просто не успеет. Schopenhauer, однако, видит в таком жестоком, неожиданном, непредсказуемым и неизбежном наступлении смерти не трагический акт, а порыв стремящейся к свободе ВОЛИ. Ведь

«всякий хранит в себе воспоминания о многом, что он сделал и в чем он недоволен собою. Но если бы он и вечно жил, то в силу этой неизменности характера, он вечно поступал бы таким же точно образом. Оттого он должен перестать быть тем, что он есть, для того чтобы из зародыша своего существа он мог возродиться как нечто другое и новое. И смерть разрывает эти узы, воля опять становится свободной, ибо не в ней, а в действии лежит свобода»¹³⁹.

¹³⁸ Ziegler, E. Einleitung zu Arthur Schopenhauer. Über den Tod. Gedanken und Einsichten über letzte München 2010. S. 21-22.

¹³⁹ «Während des Lebens ist der Wille des Menschen ohne Freiheit: auf der Basis seines unveränderlichen Charakters geht sein Handeln, an der Kette der Motive, mit Nothwendigkeit vor sich. Nun trägt aber Jeder in seiner Erinnerung gar Vieles, das er gethan, und worüber er nicht mit sich selbst zufrieden ist. Lebte er immerfort; so würde er, vermöge der Unveränderlichkeit des Charakters, auch immerfort auf die selbe Weise handeln. Demnach muß er aufhören zu sein was er ist, um aus dem Keim seines Wesens als ein neues und anderes hervorgehn zu können. Daher löst der Tod jene Bande: der Wille wird wieder frei: denn im *Esse*, nicht im *Operari* liegt die Freiheit». Там же.

..... Напомню слушателю, что эта цитата Schopenhauer(a) уже звучала ранее — во второй лекции, которая была посвящена «следам смерти». Но там речь шла у нас об «исторических консеквенциях» смерти, которая, как мы установили, в состоянии своим приходом избавлять общество от господства, например, диктатора. Но сейчас мы рассуждаем о метафизических консеквенциях смерти, которые с политической историей мало чего общего имеют. И я, признаюсь, намеренно употребил одну и ту же цитату в различных смысловых контекстах, чтобы указать на полисемическую натуру употребляемых нами ЦИТАТ. Одна и та же ЦИТАТА оставляет совершенно разные «следы» в самых различных текстах, в которых она, по выражению Сибилле Кремер, как бы «находит своё „нарративное место“»¹⁴⁰.

Но ведь и человеческая жизнь является, своего рода, ТЕКСТОМ, который тоже воспринимается в КОНТЕКСТЕ — в контексте смерти. Для Schopenhauer(a) КОНТЕКСТ смерти даже более важен, чем ТЕКСТ жизни. Действительную проблему человека Schopenhauer видит явно не в СМЕРТИ, а в ЖИЗНИ человека. С прагматической точки зрения торговца — профессии, которой юного Schopenhauer(a) пытались обучить, франкфуртский философ горько констатирует, что *ЖИЗНЬ* является «занятием, даже не покрывающим собой свои расходы» (Das Leben ist das Geschäft, das die Kosten nicht deckt).

Но этому мнению немецкого пессимиста противостоит мнение русского философа Николая Фёдорова, считающего, что «смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека»¹⁴¹. И как причина человеческих бед она должна быть преодолена и устранена.

¹⁴⁰ Sybille Krämer. «Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt am Main 2007. S. 15 - 19.

¹⁴¹ Фёдоров, Н. Ф. Сочинения. М.: «Мысль», 1982. С. 510.

Близкого мнения придерживается и Евгений Трубецкой, для которого человеческая свобода невозможна без преодоления смерти.

3.3 Идея преодоления смерти в русской философии

Е. Трубецкой, анализируя характер отношения между разумом и смертью, приходит к выводу, что свобода немислима без разума. Но отношение разума к свободе является отношением односторонней зависимости — разум можно лишить свободы, но свободу никак нельзя лишить разума. В этом случае свобода перестанет быть свободой:

«...сорвите с человека его царственный венец, развенчайте разум, и здание свободы разом рухнет, ибо вместе с разумом рушатся все наши человеческие ценности»¹⁴², говорит Е. Трубецкой.

Для нравственной философии РАЗУМ является как *предпосылкой / условием*, так и *целью* человеческого действия, но только с одной существенной разницей: если *предпосылкой* нравственного действия является РАЗУМ *несовершенный / ограниченный*, то его целью является РАЗУМ *безусловный / совершенный* — одним словом, *божественный*.

Но о какой *разумности* мы можем говорить, если мы знаем, что наступит день,

«когда наша земля в виде обледеневшей глыбы» (сегодня мы, поправив Е. Трубецкого, скажем — в виде обгоревшей глыбы) «будет носиться вокруг обгоревшего солнца; и мы хотим дать нашей жизни какое-то разумное устройство! ... не есть ли этот

¹⁴² Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 294.